

Котмакова Татьяна Алексеевна

магистрант

Чебоксарский институт (филиал) ФГАОУ ВО «Московский
политехнический университет»

г. Чебоксары, Чувашская Республика

DOI 10.31483/r-169867

**АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО СТАТУСА РЕЗУЛЬТАТОВ
ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА**

Аннотация: в статье рассматриваются ключевые проблемы определения правового статуса результатов, создаваемых системами искусственного интеллекта. Анализируются подходы российского законодательства и доктрины к вопросам авторства, изобретательства и охраноспособности результатов деятельности ИИ. Исследуются концептуальные барьеры, связанные с человекоцентричной моделью авторского и патентного права, а также возможные пути преодоления правовой неопределенности. Особое внимание уделяется проблеме разграничения вклада человека и машины в создание охраняемого результата и моделям правового опосредования действий ИИ-агентов.

Ключевые слова: искусственный интеллект, интеллектуальная собственность, авторское право, патентное право, правовой статус, результаты интеллектуальной деятельности, правосубъектность, гибридная модель, инструментальная модель.

Стремительное развитие технологий искусственного интеллекта (далее – ИИ) порождает фундаментальный вопрос: могут ли результаты, созданные автономно действующими системами ИИ, быть объектами правовой охраны, и если да, то кому принадлежат права на них? Данная проблема выходит за рамки сугубо технической и требует серьезного юридического осмысления, поскольку затрагивает базовые категории гражданского права – субъект права, объект правоотношения, творческий характер деятельности.

В российской юридической доктрине проблема правового статуса ИИ активно разрабатывается представителями Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ. Т.Я. Хабриева указывает, что «право становится не только средством, инструментом, обеспечивающим цифровизацию экономики, управления и других сегментов социального бытия, но и объектом воздействия цифровизации» [5, с. 87]. Это означает, что трансформация права под влиянием цифровых технологий носит не внешний, а имманентный характер, затрагивая его содержание, форму и механизм действия [5, с. 88].

Актуальность темы обусловлена тем, что действующее российское законодательство не содержит специальных норм, регулирующих правовой режим результатов деятельности ИИ. Как отмечает Т.Я. Хабриева, «пока рано утверждать о формировании четкого понимания закономерностей этих трансформаций» [6, с. 7], однако практика ставит перед правом все новые вопросы, требующие теоретического осмысления и нормативного решения. Для того чтобы подойти к решению этих вопросов, необходимо прежде всего понять, какие концептуальные барьеры создает сама конструкция современного права интеллектуальной собственности.

Традиционное право интеллектуальной собственности построено на постулате о человеческом творчестве как источнике охраняемых благ. Авторское право связывает возникновение прав с творческим трудом физического лица, патентное право – с изобретательской деятельностью человека. Эта парадигма, сформировавшаяся в эпоху, когда единственным творцом мог быть только человек, вступает в противоречие с реальностью, в которой все больше результатов создается алгоритмами.

Согласно пункту 1 статьи 1257 Гражданского кодекса РФ, автором произведения науки, литературы или искусства признается гражданин, творческим трудом которого оно создано. Аналогичным образом пункт 1 статьи 1347 ГК РФ определяет автора изобретения как физическое лицо, творческим трудом которого создано изобретение. Таким образом, российский законодатель последовательно связывает авторство с человеческой творческой деятельностью.

Как отмечает В.О. Калятин, такой подход создает определенные сложности применительно к результатам, созданным с использованием систем ИИ. Если человеческий вклад в создание результата не носит творческого характера, результат может быть признан неохраноспособным в силу отсутствия надлежащего субъекта авторства [3, с. 45]. Это порождает ситуацию правовой неопределенности, когда значительное количество создаваемых обществом информационных благ оказывается вне сферы правовой охраны.

Ключевым для определения охраноспособности результата является вопрос о наличии творческого характера деятельности. В российской доктрине творчество традиционно понимается как сознательная, целенаправленная деятельность человека, направленная на создание нового, оригинального результата. Как указывает Э.П. Гаврилов, «творчество – это деятельность человека, порождающая нечто качественно новое, никогда ранее не существовавшее» [2, с. 112].

Применительно к результатам деятельности ИИ возникает вопрос: может ли деятельность, осуществляемая технической системой, быть квалифицирована как творческая? Большинство российских исследователей придерживаются позиции, согласно которой творчество является исключительно человеческой прерогативой, а деятельность ИИ представляет собой лишь переработку имеющихся данных по заданным алгоритмам [2, с. 114]. Однако такая позиция не решает проблему правового режима результатов, которые внешне неотличимы от созданных человеком.

Именно это противоречие – между формальным требованием человеческого творчества и фактическим отсутствием человеческого творческого вклада в ряде случаев – закономерно подводит нас к более фундаментальному вопросу: а может ли сам ИИ рассматриваться в качестве субъекта права? Ведь если признать за ИИ хотя бы ограниченную правосубъектность, многие из обозначенных проблем получили бы иное решение.

В российской цивилистической доктрине преобладает позиция, согласно которой ИИ не может быть признан субъектом права. Как отмеча-

ет А.И. Савельев, «искусственный интеллект не обладает волей в юридически значимом смысле, не несет ответственности за свои действия и не может быть участником правоотношений» [4, с. 72]. Правосубъектность предполагает наличие правоспособности и дееспособности, которые неразрывно связаны с человеческой личностью.

Кроме того, признание ИИ субъектом права потребовало бы пересмотра фундаментальных основ гражданского права, включая институты сделки, ответственности и представительства. Как указывает Т.Я. Хабриева, «наделение роботов правосубъектностью – это не просто техническое изменение законодательства, а смена парадигмы правового регулирования» [6, с. 10], что представляется неоправданным в условиях отсутствия реальной общественной потребности в таком изменении.

Отказ от признания ИИ субъектом права, однако, не снимает вопроса о том, как юридически опосредовать действия ИИ-агентов, которые всё активнее участвуют в гражданском обороте. А.И. Савельев предлагает разграничение двух базовых моделей такого опосредования. Инструментальная модель рассматривает ИИ как «функциональное продолжение воли пользователя», при котором правовые последствия действий агента возникают непосредственно у оператора [4, с. 73]. Преимущества этой модели – предсказуемость и отсутствие необходимости в новых правосубъектных категориях.

Однако инструментальная модель «ломается» на автономии ИИ. При высокой автономии «фикция «инструмента» превращается в юридическую презумпцию воли, которой фактически не было», что подрывает основы теории сделки [4, с. 74]. Представительская модель, основанная на аналогии с институтом представительства (глава 10 ГК РФ), учитывает автономию агента, но требует правосубъектности представителя, которой у ИИ нет [4, с. 75].

В качестве решения Савельев предлагает гибридную модель: при низкой автономии ИИ-агента применяется инструментальная модель, при высокой – элементы представительской модели с соответствующей адаптацией [4, с. 76]. Эта конструкция позволяет сохранить бинарность «субъект-объект», не прибе-

гая к фикции правосубъектности ИИ, но одновременно учитывая специфику автономных систем.

Таким образом, даже оставаясь на позициях человекоцентричной парадигмы и отказывая ИИ в правосубъектности, доктрина вынуждена конструировать специальные правовые механизмы для опосредования его деятельности. Это, в свою очередь, обостряет ключевой практический вопрос: где проходит граница между результатом, созданным человеком с использованием ИИ как инструмента, и результатом, созданным ИИ автономно.

Одной из наиболее сложных проблем, не получивших окончательного разрешения, является вопрос о разграничении вклада человека и ИИ в создание результата. В случаях, когда система ИИ используется как инструмент, полностью контролируемый человеком, вопрос о правовом статусе результата решается относительно просто: результат считается созданным человеком с использованием технического средства [3, с. 47]. Сложности возникают, когда ИИ проявляет значительную автономию, генерируя результаты, которые не были напрямую запрограммированы или предвидены оператором.

В доктрине предлагается использовать критерий «существенного человеческого вклада»: если человеческий вклад в создание результата является существенным и творческим, результат подлежит охране как произведение или изобретение человека. Если же человеческий вклад ограничивается запуском системы и формулированием общего запроса, результат не может быть объектом авторского или патентного права [3, с. 48].

Данный подход, однако, сталкивается с практическими трудностями. Как определить «существенность» вклада? Какие критерии следует использовать для оценки творческого характера человеческого участия? Эти вопросы остаются открытыми и требуют дальнейшей теоретической разработки.

Как отмечает В.О. Калятин, «определение степени человеческого участия в создании результата с использованием ИИ требует разработки специальных правовых презумпций и критериев, которые в настоящее время отсутствуют» [3, с. 50]. Это создает ситуацию правовой неопределенности, негативно сказываю-

щейся как на правообладателях, так и на пользователях результатов деятельности ИИ.

Именно нерешенность вопроса о критериях человеческого вклада обуславливает множественность доктринальных предложений относительно того, как в целом должен быть устроен правовой режим результатов деятельности ИИ. Рассмотрим основные из этих предложений.

Первая модель – «отказ от охраны» – предполагает, что результаты, созданные автономно действующим ИИ, не подлежат правовой охране и переходят в общественное достояние. Преимуществом данной модели является простота и отсутствие необходимости в пересмотре базовых концепций права интеллектуальной собственности. Недостатком – отсутствие стимулов для инвестиций в разработку ИИ, создающего коммерчески ценные результаты [4, с. 76].

Вторая модель – «фиктивное авторство» – заключается в признании автором лица, организовавшего создание результата (разработчика ИИ, его владельца или пользователя). Данный подход позволяет сохранить привычную конструкцию авторского права, однако создает риск необоснованного приписывания человеческого творчества результатам, созданным машиной [3, с. 51].

Третья модель – «специальный правовой режим» – предполагает создание особого режима охраны для результатов деятельности ИИ, отличного от авторского и патентного права. Такой режим может включать, например, сокращенный срок охраны, ограниченный объем прав или обязательную маркировку происхождения результата [4, с. 77].

Каждая из рассмотренных моделей имеет свои достоинства и недостатки, и выбор между ними – это не столько технический, сколько ценностный вопрос, определяющий, каким образом общество намерено балансировать интересы разработчиков ИИ, авторов и широкой публики.

Правовой статус результатов деятельности искусственного интеллекта остается одной из наиболее сложных и динамично развивающихся областей современного права. Проведенный анализ позволяет выстроить следующую логическую цепочку выводов.

Исходная проблема состоит в том, что человекоцентричная парадигма права интеллектуальной собственности, связывающая авторство и изобретательство с творческой деятельностью физического лица, создает концептуальные препятствия для признания охраноспособности результатов, созданных автономно действующими системами ИИ. Эта проблема, однако, не решается простым признанием ИИ субъектом права: как показал анализ, такой шаг потребовал бы смены парадигмы правового регулирования и не имеет достаточных общественных оснований.

Отсюда следует, что фокус регулирования должен быть смещен от вопроса о правосубъектности ИИ к вопросу о критериях человеческого вклада. Как отмечает Т.Я. Хабриева, «пока рано утверждать о формировании четкого понимания закономерностей этих трансформаций» [6, с. 7], однако доктрина вырабатывает операциональные стандарты, позволяющие разграничивать результаты, созданные человеком с использованием ИИ, и результаты, созданные ИИ автономно.

Наконец, нерешенность вопроса о критериях человеческого вклада обусловливает множественность моделей правового регулирования – от полного отказа от охраны до создания специального правового режима. Наиболее перспективной представляется гибридная модель, сочетающая инструментальный подход к ИИ с элементами представительской конструкции применительно к высокоавтономным системам [4, с. 76]. Это позволяет сохранить концептуальную целостность права, не игнорируя технологическую реальность.

Дальнейшее развитие правового регулирования в данной сфере требует комплексного подхода, учитывающего как потребности технологического развития, так и необходимость защиты интересов авторов и общества. Как справедливо отмечает В.О. Калятин, «право должно найти баланс между стимулированием инноваций и сохранением концептуальной целостности системы интеллектуальной собственности» [3, с. 52].

Список литературы

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая) : от 18.12.2006 №230-ФЗ : ред. от 2025 // Собрание законодательства РФ. – 2006. – № 52 (ч. 1). – Ст. 5496.

2. Гаврилов, Э. П. Комментарий к части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации / Э. П. Гаврилов, В. И. Еременко. – Москва : Экзамен, 2023. – 512 с.

3. Савельев, А. И. Модели машинного обучения: в поисках места в системе объектов интеллектуальной собственности / А. И. Савельев // Закон. – 2026. – № 1. – С. 70–77.

4. Хабриева, Т. Я. Право в условиях цифровой реальности / Т. Я. Хабриева, Н. Н. Черногор // Журнал российского права. – 2018. – № 1 (253). – С. 85–102.

5. Хабриева, Т. Я. Право перед вызовами цифровой реальности / Т. Я. Хабриева // Журнал российского права. – 2018. – № 9. – С. 5–16.